

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Мэйо

Социальные проблемы индустриальной цивилизации

МЭЙО Элтон (1880–1949) — американский психолог и политолог, а также исследователь индустриальных проблем.

Источник: Мэйо Э. (готовится к изданию) Социальные проблемы индустриальной цивилизации. С приложением, посвящённым политическим проблемам. М.: Издательство Института Гайдара.

Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

Во время работы над книгой «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» («The Social Problems of an Industrial Civilization») Элтон Мэйо (1880–1949) занимал должность профессора индустриальных исследований в Гарвардском университете; его научные труды в области индустриальной социологии оказали заметное влияние на развитие данной научной области. В книге предлагается интерпретация важнейших проблем индустриальной эпохи на фоне воззрений Мэйо на роль социальных наук в их решении. На первый план автор выдвигает проблему обеспечения группового сотрудничества в основных отраслях промышленности и обобщает опыт, полученный в области индустриальных исследований, предлагает некоторые предварительные выводы о важной роли межличностных отношений в промышленности.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги — «Обратная сторона прогресса» («The Seamy Side of Progress»), в которой профессор Мэйо уделяет пристальное внимание дисбалансу, сложившемуся в системных исследованиях. Этот дисбаланс выражается в особом значении, которое придаётся техническому и материальному аспектам, и в отказе от рассмотрения человеческой и социальной сфер в пользу бессистемных оценок.

Ключевые слова: индустриальная социология; технологический прогресс; социальные и межличностные отношения; социальная дезорганизация; технические и социальные навыки.

Глава 1. Обратная сторона прогресса

I

Викторианцы были безгранично уверены в реальности и благотворности прогресса для всего человечества. В 1890-х гг. в Англии была издана небольшая книга под названием «Девятнадцатый век» из серии «Школьная хрестоматия». Автор с гордостью рассказывал о победах человека над обстоятельствами, подразумевая, что люди становятся хозяевами своей судьбы. Происходящее ныне, 50 лет спустя, приобрело характер греческой трагедии в невиданных доселе масштабах. Едва заметные успехи породили в человеке беспричинную самонадеянность — ὑβρις (гибрис) (др.-греч. «дерзость»), что навлекло на него гнев богов. Со времени публикации «Девятнадцатого века» прошло не больше трёх десятилетий, как благие намерения человека, его грандиозные планы превратились в хаос, его величественные здания — в пыль и щебень. И сделал это сам человек;

достижениями в науке он собирался достичь совершенства, а пришёл в основном к разрушениям, запустению, нищете.

Впрочем, были современники, видевшие обратную сторону этого прогресса, самую его изнанку. Тут и там слышались художественные протесты, на которые мало кто обращал внимание. С одним из самых энергичных утверждений выступил г-н Г. Дж. Уэллс в своём романе «Новый Макиавелли». Вот как он описывал «достижения» прогресса в городке Бромстед (вероятно, писатель имел в виду Бромли в графстве Кент): «Весь Бромстед, каким я его помню и видел в последний раз — это было год назад, — представляет собой унылое бесполезное бурление человеческой деятельности, огромное скопление бесполезностей. Он так же не хаотичен, как и раньше; улицы по-прежнему ведут куда-то в пустыри и оканчиваются тупиками; различные предприятия “расставлены” в беспорядке и безнадежно исключают друг друга; неустройство только усилилось. Претенциозные виллы соседствуют с трущобами. Задние двери и чуланы жалких домишек выходят на железную дорогу, а на дворах без всяких церемоний развешивают рваное белье. Проезжая мимо, я каждый раз замечаю, что у путей появляется всё больше щитов с рекламой пилюль и солений, тонизирующих средств, приправ и тому подобной заботы, без которой никак не обойтись людям, лишившимся природного здоровья и аппетита».

Далее Уэллс характеризует переход когда-то приятного городка, раскинувшегося среди полей, к трущобам и хаосу: «Быть может, кому-то удалось убедить себя, что всё это было ничем иным, как заменой старого покоя, старого равновесия новым порядком. Только, на мой взгляд, обострённый замечаниями отца, во всём этом не было ни малейшего порядка. Мы стали свидетелями целого ряда беспорядочных новых начинаний, каждое из которых превосходило по размаху и разрушительности предыдущие, и ни одно из них не дало ничего цельного, доделанного. Каждое оставляло за собой в наследство другому разные продукты — дома, людей или что-то ещё. Нечто вроде стремительного прогресса; перемены, вышедшие из-под контроля, происходившие необычайно быстро и не ведшие ни к какой определённой цели».

Легко представить, что те же самые мысли, обусловленные схожим образом рефлексивного мышления, мелькают в голове пассажира поезда, идущего меж холмов и через леса с чистыми ручьями в Питтсбург или Филадельфию. Эти мысли усиливаются при виде мужчин странного вида, которых в этой великой стране можно встретить только в поездах или гостиницах. Каждый из них катает во рту сигару и без умолку говорит и говорит о долларах. Эти мужчины почему-то везде держатся вместе. На взгляд художника, в викторианском прогрессе явно что-то было не так, и это что-то сохраняется в наши дни. Как будто ожидания прогресса связаны не с самим человеком, а с его материальным окружением, телесным комфортом, за что небесные божества требуют заплатить потрясениями, беспорядками, хаосом и, наконец, разрушительными войнами.

Другой художник, которому довелось побывать премьер-министром Англии, едва ли не пророчествовал: «Искусства забыты, коммерция уничтожена, литература пребывает в разрозненности, истреблены целые народы, а европеец разглагольствует о прогрессе, поскольку он, изобретательно применив некоторые научные навыки, создал общество, ошибочно принявшее комфорт за цивилизацию» [Disraeli 1912: 17].

Впрочем, обратная сторона прогресса видна не только художникам. Оглядываясь на недавнюю историю, приходится признать, что, если вести счёт с 1890-х гг., в каждом следующем десятилетии был хотя бы один здравый наблюдатель, предупреждавший общество о его неспособности изучить человека и влияние на него этого самого прогресса. Но такие предупреждения, как и пророчества Кассандры, остались без внимания, и только произошедшая трагедия, а на самом деле катастрофа, заставила нас всмотреться в реалии человеческой жизни.

Был такой французский инженер Фредерик Ле Пле, который в начале XIX века благодаря своей профессиональной деятельности объездил всю Европу вдоль и поперёк. Ещё в 1829 г. он высказал сомнение в том, что быстрое техническое и индустриальное развитие было в целом полезно для европейских сообществ, в которых ему довелось побывать. Помня об этом, Ле Пле на протяжении 25 лет внимательно наблюдал за условиями жизни (в широком смысле) различных групп рабочих, с которыми он был когда-то связан. Чего он только не видел на просторах от предгорий Восточной Европы до Атлантического побережья Франции! В 1855–1879 гг. Ле Пле опубликовал в шести томах результаты своих наблюдений. То обстоятельство, что эти книги никогда не переводились на английский язык, лишнее свидетельство нашего постоянного пренебрежения человеческими и социальными проблемами; в наши дни они известны, вероятно, только академическим исследователям общества, едва ли способным оценить практическую важность трудов Ле Пле [Disraeli 1912]¹.

Согласно выводу Ле Пле, в более простых общинах, главным занятием членов которых является земледелие, рыболовство или иной основной род деятельности, поддерживается устойчивый социальный порядок, а высокоразвитые индустриальные центры утратили способность к этому. Каждый индивидуальный член более простых общин имеет правильное представление о практикуемых видах хозяйственной деятельности и социальных функциях, а также в большей или меньшей степени принимает в них участие. Каждый отдельный человек связан с каждым социальным событием семейными и родственными узами (реальными или фиктивными); на высоком уровне находится и его способность к кооперации. Дело не только в том, что общество принуждает к этому индивида; напротив, преследуя любые практические цели, каждый человек не отличается от других ни в отношении социальных норм, ни своими стремлениями. Каждый, кто входит в группу, участвует в различных видах социальной деятельности, потому что это и есть его главное желание.

Что касается современного индустриального общества, то Ле Пле приходит к прямо противоположному выводу. Он заключает, что такие сообщества характеризуются высокой степенью социальной дезорганизации: власть социальных норм, основанная на авторитете, игнорируется, родственные узы разорваны и никого уже не связывают, способности к поддержанию мира и стабильности ослабли. По мнению Ле Пле, эти сообщества объединяют несчастных людей; стремление к переменам — «новизне» — превратилось чуть ли не в единственную страсть, что само по себе ведёт к дальнейшей дезорганизации. Как считает Ле Пле, исключительный характер индустриального сообщества обуславливает широкую социальную дезорганизацию, когда отдельные люди и группы не способны должным образом общаться друг с другом, что влечёт за собой провал спонтанной и успешной кооперации, со-деятельности. Эти наблюдения были сделаны квалифицированным инженером, компетентным знатоком своего дела. Однако его предупреждения остались без внимания не только в родной Франции, но и во всех остальных индустриальных странах.

Интересно, что в конце XIX века похожие наблюдения сделал Эмиль Дюркгейм, основатель французской школы социологии. В исследовании самоубийств, опубликованном в 1897 г., он показал, что в тех частях Франции, где быстро развивалась техническая промышленность, возникала опасная социальная разобщённость, отрицательно влиявшая на вероятность любого индивидуального или группового сотрудничества. Как утверждал Дюркгейм, разница между современным технически развитым центром и примитивной упорядоченной общиной состоит в том, что в малой общине интересы отдельного человека в полном соответствии с его сильным желанием подчинены интересам группы. Отдельный член этого примитивного общества уже с детства и юности понимает, какую функцию он будет выполнять для группы, став взрослым. Это предвидение регулирует действия и мышление подростка и завершается переходом взрослого человека к выполнению коммунальной функции, что вызывает у него чувство

¹ См. развитие этой точки зрения в кн.: [Donham 1944].

удовлетворения. Он знает, что его деятельность востребована обществом и необходима для дальнейшей жизни. Этот человек на протяжении всей своей жизни *solidaire* (фр. «солидарен») с группой.

Быстрое развитие науки и промышленности в XIX веке привело к тому, что отдельные личности более не отождествляли себя с группой и не испытывали чувство удовлетворения от своего труда. Дюркгейм развивает это положение более подробно: индивид уже не *solidaire* с географической местностью и с проживающими на ней людьми. Он уходит из семьи ради учёбы в школе и получения образования. Неважно, будет ли это связано с географическим перемещением или нет; существенное современное новшество заключается в том, что семейные связи ослабевают и чаще всего не замещаются любыми другими новыми или развивающимися групповыми отношениями. Повышение уровня, стандартов общего образования в целом представляет собой замечательное достижение. Но какой ценой оно даётся? Принесение в жертву личных и групповых отношений ставит под сомнение ценность более высокого уровня образования.

Как указывает Дюркгейм, за этим первым разрывом обычно следует другой: чтобы найти работу, отдельный человек вынужден вновь отказаться от развития групповых связей. Если на первых порах такие поиски оканчиваются неудачей, социальный разрыв увеличивается. В пределе мы можем говорить об индивидах, утративших всякое чувство социальных отношений или обязательств — меланхоликах, самоубийцах, «одиноких волках» или преступниках. Даже тогда, когда поиски групповых отношений увенчались успехом — к счастью, так происходит в большинстве случаев, хотя количество этих благоприятных исходов уменьшается, — индивид не обладает опытом непосредственного понимания природы социальных отношений. Вследствие этого группа, членом которой он теперь является, характеризуется более низким уровнем единства и обязательств по достижению общей цели, чем простая примитивная группа.

Таким образом, в современном индустриальном обществе мы обнаруживаем два симптома социальной дезорганизации.

Во-первых, увеличивается количество несчастных людей. Из-за необходимости самопринуждения, не имея непосредственных или реальных социальных обязанностей, человек становится жертвой горестных и навязчивых личных забот. Давным-давно епископ Джозеф Батлер сказал: «Человек может обладать всем наличествующим в мире себялюбием и оставаться несчастным».

Во-вторых, ещё один симптом дезорганизации в современном индустриальном обществе связан с организацией групп на уровне более низком, чем примитивный, о чём я упоминал выше. К сожалению, характеристической чертой известных нам индустриальных обществ является отсутствие у формирующихся групп искренней заинтересованности в кооперации с другими группами. Более того, их установки — это настороженность или враждебность. И вот на этом пути общество погружается в состояние застоя, важной чертой которого является беспорядочная борьба влиятельных групп, держав, образующих блоки, что, как утверждает С. Кассон, предвещает приближение катастрофы [Casson 1937].

В последней части книги «Самоубийство» Дюркгейм признаёт, что последовательное создание более крупных экономических единиц слиянием более мелких позволило цивилизации повысить уровень материального комфорта для граждан. Однако, вслед за Ле Пле, Дюркгейм напоминает о компенсирующем недостатке: в жизни большинства граждан экономический прогресс шёл рука об руку с разрушением их индивидуальности. «В действительности наше поступательное развитие характеризуется тем, что оно последовательно разрушило все сложившиеся социальные контексты. Они были один за другим искоренены либо медленным ростовщичеством времени, либо насильственными революциями таким образом, что их было нечем заменить» [Durkheim 1930: 446]. Перед нами чёткая и ясная фор-

мулировка проблемы, с которой столкнулся цивилизованный мир: быстрое промышленное, механическое, физико-химическое поступательное развитие происходит с такой высокой скоростью, что разрушает все сложившиеся в прошлом социальные и личные отношения. При этом оно не предлагает ни организации, способной возместить утраченное, ни изучения актуальных социальных или личных отношений, что, возможно, позволило бы нам с пониманием и спокойствием встретить период быстрых перемен. По мнению Дюркгейма, Великая французская революция уничтожила последние следы того, что он называет вторичной организацией общества, то есть те эффективные методы повседневного сотрудничества, от которых в прошлом в гораздо большей степени, чем от любого политического органа, зависело выживание общества. Дюркгейм указывает, что в процессе разрушения основ французского общества уцелел единственный фактор коллективной организации — политическое государство. По самой природе вещей, пишет Дюркгейм, поскольку общественная жизнь должна быть организована тем или иным способом, проявляется стремление государства вобрать в себя всю организационную деятельность общественного характера. Однако государство не способно эффективно организовать глубоко личную повседневную жизнь своих граждан. Оно географически удалено от большинства людей, и его деятельность должна быть ограничена чем-то вроде общих правил. Живая реальность активного тесного сотрудничества между людьми навсегда должна быть избавлена от политического контроля. Следовательно, современное индустриальное общество всегда движется к неэффективной государственной власти, основанной на авторитете, сталкивающейся с «разупорядоченными пылинками индивидов» [Durkheim 1930: 448]. Мы ещё вернёмся к этой теме в главе 2.

Позвольте напомнить, что ни шесть томов Ле Пле, ни книга Дюркгейма о самоубийстве не были переведены на английский язык. Предупреждения этих мыслителей были оставлены без внимания, ведь их выводы слишком далеки от безыскусного изобилия физико-химических и технических разработок. Однако если мы оглянемся на цивилизованный мир после рокового 1939 г., едва ли кто-нибудь из нас скажет, что упомянутое выше отрицание было разумным. Естественно, что авторы этих более ранних исследований с грустью оглядываются на жизнь более простых сообществ; как правило, они неизбежно приходят к заключению, что единственная возможность восстановления спонтанности кооперации заключается в восстановлении традиционного. Нельзя в наши дни встать на этот путь и идти по нему, невозможно взять и просто возвратиться к простоте.

Данное утверждение отнюдь не умаляет ценности наблюдений Ле Пле или Дюркгейма. Важное значение этих исследований обусловлено тем, что мы чётко и ясно видим: в индустриальном обществе недопустимо пускать сотрудничество на самотёк — и в политической, и в промышленной единице пренебрежение этим правилом ведёт к разрушениям и катастрофам. Исторически и традиционно наши отцы трудились ради общественной кооперации и добились своей цели. Это верно и в отношении любого примитивного общества [Roethlisberger 1942]. Но вследствие удивительного научного и материального прогресса, продолжавшегося, по крайней мере, столетие, мы отказались от этих усилий (честно говоря, непреднамеренно) и теперь пожинаем плоды.

На любом уровне культуры каждой социальной группе придётся столкнуться и чётко обозначить две постоянные и повторяющиеся проблемы администрирования. Необходимо будет обеспечить индивидам и группам (1) удовлетворение материальных и экономических потребностей и (2) поддержание спонтанной кооперации в организации в целом.

Все наши административные методы направлены на достижение материальной эффективности; нет ни одного метода, который был бы нацелен на поддержание кооперации. Удивительные технические успехи этих военных лет подтверждают, что мы — наши инженеры — действительно знаем, как организовать материально эффективное производство. В то же время проблемы абсентеизма, текучести кадров, забастовок без санкции профсоюзов (дикие стачки) показывают, что мы не умеем обеспечивать

спонтанность кооперации, то есть командной работы. В самом деле, если бы не вынужденная чрезвычайная ситуация войны и личная заинтересованность в победе каждого рядового рабочего, технические специалисты едва ли добились бы очевидного для всех успеха. Теперь, когда ситуация далека от чрезвычайной, перспективы продолжения кооперации не так хороши. В настоящее время нет ни одного деятельного администратора, который не опасался бы, что мир может увидеть возвращение социального хаоса.

В наши дни решение проблемы кооперации, которая будет рассматриваться далее, является гораздо более сложной задачей, чем она была в простой или примитивной общине. Очевидно, что проблему невозможно решить, не принимая во внимание её существование. Степень изменений из года в год или даже из века в век в простом обществе относительно невелика, поэтому традиционные методы доведены до высокой степени совершенства; необходимость дисциплинированного сотрудничества внушается индивиду едва ли не с рождения. Однако антропологические или социологические исследования простых обществ лишь в незначительной степени затрагивают проблемы, которые нас так сильно беспокоят. В наши дни быстрых и непрерывных изменений необходимо радикально пересмотреть всю концепцию социальной организации и социальной дисциплины. При этом нам не приходится рассчитывать на существенную помощь так называемых радикалов, поскольку это не радикалы, а реакционеры, которые потребуют от нас возврата к форме социальной организации, уже устаревшей в условиях технического прогресса.

II

Не так давно были изданы две книги, чьи авторы делают особый акцент на положении, в соответствии с которым индустрия, впрочем, как и общество в целом, представляет собой кооперативную систему. Одну из этих книг можно охарактеризовать как преимущественно технический трактат об организации [Barnard 1938]; вторая в каком-то смысле представляет собой популярное изложение некоторых результатов Хоторнских экспериментов компании Western Electric [Roethlisberger 1942]. Оба автора хорошо понимают, что переход от деревенского или местечкового общественного хозяйства к хозяйству крупных городов или промышленных центров остался без внимания дельного и образованного менеджмента. Последствия этого пренебрежительного отношения к фундаментальному и важному изменению не ограничиваются тем, что поселения и городки типа Бромстеда разрастаются вширь, становясь с годами всё хаотичнее и грязнее. Вдобавок постоянно и быстро ослабевает человеческая способность к энергичному сотрудничеству, так что в отдельных странах и в межгосударственных отношениях постепенно нарастает хаос, переходящий в анархию.

Выдающийся современный историк формулирует эту проблему следующим образом: «Всё более сложное устройство современной механизированной цивилизации, особенно в странах с более развитой индустрией, требует повышения уровня организации. Эта последняя не может ограничиваться совокупностью материальных элементов; она неизбежно распространяется на само общество и при его посредничестве — на этическую и психологическую жизнь отдельных людей. Отсюда историческая тенденция движения от политики к социологии. Проблемы, которые столетие назад рассматривались как чисто политические, во второй половине XIX века превратились в экономические, а в XX столетии — в социологические и психологические. Общественное мнение не в полной мере осознаёт эту перемену. Общество как бы бессознательно и инстинктивно приспособляется к новым условиям, и нынешние напряжённость и беспокойства обусловлены по большей части несоответствием запаса унаследованных нами социальных традиций, что не позволяет справиться с реалиями текущей ситуации и преодолеть трудности, возникающие при согласовании уже существующей системы социальной организации с политическими теориями и социальными доктринами, которых мы сознательно придерживаемся, несмотря на то что они в значительной степени уже не отвечают современным потребностям» [Dawson 1939: 35–36].

Это утверждение можно упростить, добавив, что наблюдения за современной промышленностью в течение последних 25 лет позволяют говорить о наличии неосознаваемой разницы между двумя принципами социальной организации — принципом сложившегося общества и принципом адаптивного общества. С первым из принципов мы все хорошо знакомы; сложившееся общество породило плоть и кровь каждого из нас, даже если это происходило, по выражению Кристофера Доусона, бессознательно и инстинктивно. Проявления сложившегося общества на низком уровне мы видим в жёстких и систематических процедурах австралийских чернокожих [Warner 1937], в традициях круга Кула на Тробрианских островах [Malinowski 1932] и у коренных жителей Андаманских островов [Radcliffe-Brown 1933], а также, на несколько более высоком уровне, в социальной организации викторианской Англии, существенной чертой которой было сложившееся общество, и на первых шагах промышленного развития в Новой Англии или в 1880-е гг. в небольших австралийских городах. Сложившееся общество имеет множество преимуществ; большинство либеральных или даже революционных движений нашего времени обусловлены стремлением вернуться от нынешней неуверенности к устоявшейся определённости. Это стремление в действительности является реакционным и противоречит духу времени. Шестидесять лет назад молодой житель небольшого городка мог выбрать себе одно из сравнительно узкого круга занятий (например, продолжить дело своего отца — кузнеца или плотника) или сделать шаг вперёд и попытаться стать банковским клерком, учителем или священником. Принять решение (или согласиться с выбором других людей) необходимо было до вступления в подростковый возраст, а далее весь образ жизни индивида определялся тем, кем он должен был стать.

Аналогично поступали в этих условиях даже те, кто шёл работать на фабрики или в бизнес — на небольшие предприятия по нынешним меркам, но в XIX веке молодые люди быстро достигали зрелости. Мальчик должен был с малых лет приучаться к делу своей жизни и ремеслу, одновременно приобретая технические навыки и постигая искусство общения со сверстниками. В большинстве случаев за время ученичества состав группы подрастающей молодёжи почти не менялся. Благодаря практике в избранном деле вместе с группой одноклассников подросток обучался манипулированию объектами в процессе труда и получал представление об установках и идеях своих товарищей. И то и другое имеет огромное значение для успешной жизни. Доктор Пьер Жане в течение 50 лет терпеливо проводил однообразные клинические исследования и пришёл к выводу, что здравомыслие является достижением, которое подразумевает, что индивид пришёл к равновесию своих технических и социальных навыков. Технические навыки манифестируют себя как способность манипулировать вещами в интересах человека, а социальные — как способность получать сообщения от других людей и реагировать на установки и идеи других так, чтобы вносить положительный вклад в выполнение общей задачи. В системе ученичества, возникшей в традиционном обществе, развивались как технические, так и социальные навыки индивида; по-видимому, в успешных сложившихся обществах психоневрозы, как следствие недостаточной социальной дисциплины и практики, возникали сравнительно редко. В наши дни образование направило основные усилия (во многих случаях по случайной прихоти) на развитие технических навыков и соответствующих научных основ. Всё было бы замечательно, если бы не тот факт, что университеты потерпели неудачу в обучении социальным навыкам и развитии эквивалентных исследований. Студентов обучают логично и ясно выражаться, но они не имеют представления о том, что социальные навыки начинаются с умения вызывать и получать сообщения от других людей. Передаваемые таким образом установки и идеи, далеко не всегда логичные, послужат основой для более широкого и более эффективного понимания.

В современной промышленности осталось мало старых предприятий, поскольку упор делается на изменения и приспособляемость, тем более что скорость изменений постоянно возрастает. Фактически мы уже миновали ту стадию человеческой организации, на которой сложившиеся повседневные отношения обеспечивали успешное общение и сотрудничество. Основным фактором этих изменений был физико-химический и технический прогресс. Индустриальное общество отбросило в сторону пред-

ставления, согласно которым технические процессы производства любого вида будут длительное время сохраняться в неизменном виде. Наоборот, все отрасли промышленности неуклонно стремятся к изменению не только методов производства, но и материалов; развитию в этом направлении в немалой степени способствовала война. Не далее как сто лет назад можно было предположить достаточную непрерывность производственных процессов, а значит, лучшим методом приобретения технических и социальных навыков было ученичество, обучение ремёслам. В наши дни технические навыки, необходимые в промышленности, развивались в двух направлениях. С одной стороны, индустрии требуются работники, обладающие навыками гораздо более высокого уровня, основывающимися на адекватных научных и инженерных знаниях, вследствие чего их можно описать как адаптивные и даже созидательные. С другой стороны, снизились требования, предъявляемые к навыкам станочника; теперь он должен быть в большей степени наладчиком оборудования, чем механиком. Здесь не место для дискуссии о том, является ли это второе изменение вообще желательным, каким бы замечательным ни было первое. Однако уместно заметить, что до сих пор не предпринималось никаких эквивалентных усилий по развитию социальных навыков или навыков сотрудничества, которые могли бы компенсировать или сбалансировать техническое развитие.

Итак, в период ученичества индивид приобретал навыки двух типов: с одной стороны, механические и технические, с другой стороны, социальные. Кроме того, эти навыки с точки зрения ситуаций, с которыми индивид сталкивался, были сбалансированными. Технические требования к индивиду не предполагали наличия у него социальных навыков порядка, необходимого для приспособления к постоянно меняющимся другим работникам. Стабильность техники шла рука об руку с постоянством в общении.

Проще говоря, подмастерье научился хорошо работать, а также ладить со своими друзьями и другими рабочими. Этот второй приобретённый навык явно воспринимался как неотъемлемая часть обучения индивида, и для его описания существовало множество разговорных выражений, таких, например, как «притереться друг к другу», «научиться брать препятствия» — народные метафоры, признававшие ценность этого опыта для общества. Жаль, но эта важная социальная дисциплина так и не получила чёткого определения как необходимая часть индивидуального образования, поэтому после повышения темпов технического прогресса никто так и не задался вопросом о том, какие последствия для индивидов и общества будет иметь неудача в поддержании и развитии социальных навыков. Общеизвестно, что наши университеты дают превосходное образование в области физико-химических и инженерных наук, но в них нельзя научиться замещению или развитию социального аспекта системы ремесленного ученичества или приобрести практический опыт в этом. В наши дни утверждение, согласно которому каждый индивид будет непрерывно поддерживать повседневные связи с другими людьми, что позволит ему постепенно приобрести навыки общения и совместного труда, утратило силу. Более чем вероятно, что в любой части современной промышленной схемы товарищи человека по работе будут постоянно меняться. Мы живём в непрерывном потоке не только технических процедур, но и личных связей. Вполне может быть, что недостаток общения многих индивидов где бы то ни было и с кем-либо не позволяет развить социальные навыки хотя бы до уровня, на котором они находились у подмастерья из традиционного общества. По Дюркгейму, такого рода ситуации характеризуются личной неудовлетворённостью, отсутствием планов на будущее и даже отчаянием. Именно здесь Ле Пле констатировал деградацию чувства социальной ответственности, постепенное угасание групповой жизни и ослабление способности к активному сотрудничеству в общем предприятии.

Мы не можем использовать такие «лекарства», как возвращение к ремесленному ученичеству или примитивному хозяйству. Нам, вне всяких сомнений, предстоит переход от сложившегося общества к адаптивному; мы взяли за плуг и не можем сойти с борозды. Мы заняты преобразованием экономики ограниченности в экономику изобилия, путь к которой указывают технические специалисты. Мы стремимся к развитию высокой человеческой приспособляемости, невиданной в человеческом обществе

в прошлом, и наши нынешние неудачи в этом находят отражение в социальном хаосе, разрушающем цивилизованное общество. Возможно ли, что нынешняя неудача будет залогом будущего успеха? Дорога, по которой нам предстоит пройти, затеряна в тумане, но на ней можно разглядеть несколько отправных точек: мы нуждаемся в таких социальных навыках, которые будут эффективны в конкретных ситуациях. Если человек приобрёл и развил некий навык, это означает, что его организм приспособился действовать под управлением мышления и нервной системы как единое целое, адекватно определённым моменту ситуации, в которой он находится. Заменить этот навык не могут никакие словесные утверждения, сколь бы точными они ни были.

III

Навык или умение отличается от общих знаний тем, что проявляется в определённый момент времени как манипулятивная ловкость, приобретаемая в результате опыта обращения с вещами или людьми либо теми и другими вместе. Исследование нельзя назвать научным до тех пор, пока его участники не продемонстрируют определённые навыки и умения. Первый действительно важный этап подготовки студента, изучающего физику, химию или медицину, — практикум в клинике или лаборатории; здесь происходит интуитивное знакомство с материалами исследования и проявляется способность манипулировать ими. Только на основе приобретённого таким образом навыка студент может построить рационально структурированную логику и постепенно прийти к дальнейшему пониманию, которое даёт развитая наука. Химик должен быть подготовлен к квалифицированному обращению с материальными веществами; врач должен уметь оценить состояние органических функций пациента, а также его общее состояние.

В 1890 г. Уильям Джеймс провёл простое различие, сохраняющее важнейшее значение и в наши дни. Вероятно, естественность этого различия привела к тому, что университеты отбросили его как очевидное (что верно) или как незначительное (что неверно). Джеймс обратил внимание, что почти во всех цивилизованных языках, кроме английского, для обозначения знания используются два общепотребительных слова. Во французском языке это *connaître* и *savoir*, или на древнегреческом *γινῶναι* и *εἰδέναι*, что можно перевести на английский язык как *knowledge-of-acquaintance* (знание по знакомству) и *knowledge-about* (знание по описанию) [James 1890: 221]. Это различие, каким бы простым оно ни было, имеет в высшей степени важное значение; знание по знакомству приобретается из непосредственного опыта конкретных фактов и ситуаций, в то время как знание по описанию является продуктом рефлексивного и абстрактного мышления. «Знание, полученное из опыта, трудно передать иначе, как через пример, подражание, пробу и ошибку, тогда как эрудицию (знание по описанию) легко облечь в символы — слова, графики, карты. Навыки могут быть переданы другим людям, но очень медленно, и их невозможно чётко и ясно изложить. Знание как эрудиция не только чётко излагается, но и легко передаётся, а также может накапливаться и сохраняться»². Университетское обучение социальным наукам в значительной степени основывается на эрудиции, что предопределяется самим фактом того, что она (как логика и рационально структурированное знание) может легко передаваться другим. Физика, химия, психология обнаружили, что они должны передавать студенту больше знаний, поэтому появились лаборатории, в которых студенты могут приобрести навыки манипуляций и получить оценку своей компетентности с точки зрения фактических результатов. На этих учебных занятиях студенту приходится соотносить своё логическое знание по описанию и знание, полученное в процессе непосредственного знакомства с фактами, с собственной способностью действовать квалифицированно и манипулировать объектами. Проведённое Джеймсом различие между двумя типами знаний подразумевает, что гармонично развитый человек должен обладать в определённых пределах технической сноровкой в обращении с вещами и социальным умением в обращении с людьми; то и

² Из письма доктора Алана Грегга (Alan Gregg) от 13 ноября 1942 г.

другое основывается на знании по знакомству. В дополнение к этому он нуждается в развитых клинических или практических знаниях, позволяющих с первого взгляда оценить ситуацию в целом. Если индивид хочет быть учёным, ему также необходимо логическое знание, которое было бы аналитическим, абстрактным и рационально структурированным — словом, эрудиция в описании доктора Алана Грегга; но эта эрудиция должна выводиться из наблюдаемых фактов, специальных занятий студента и соотноситься с ними.

Полагаю, опираясь на исторические данные, можно утверждать, что наука в общем возникла как продукт высокого уровня развития технических навыков в данной области деятельности. Кто-то, какой-нибудь искусный мастер, во время размышлений попытался ясно выразить допущения, которые лежали в основе самого навыка. Это стало исходным пунктом логико-экспериментального метода. Предположения, однажды выраженные чётко и ясно, могут быть развиты логически; развитие ведёт к экспериментальным изменениям практики; тогда и начинается наука. Следует отметить, что научные абстракции берутся не из воздуха или неконтролируемых размышлений; они с самого начала укоренены в ранее существовавшем навыке.

Мне кажется уместным привести комментарий из лекции моего коллеги Лоуренса Хендерсона, выдающегося химика: «В нашей сложной жизни, как и в медицине, теория и практика являются необходимыми условиями понимания, и метод Гиппократ — это единственный метод, признанный успешным широко и повсеместно. Первой его составляющей является тяжёлый, настойчивый, ответственный и неустанный труд в больничной палате, а не в библиотеке, полная, и далеко не только интеллектуальная, подстройка врача под задачу. Вторая составляющая этого метода — прилежное наблюдение за вещами и событиями, отбор, опирающийся на суждения, основанные на знакомстве и опыте с важными и повторяющимися явлениями, их классификация и правильное использование. Под третьей составляющей этого метода мы понимаем продуманное построение теории — не философской теории, не грандиозного усилия воображения, не квазирелигиозной догмы, но скромного обыденного занятия <...> трости, чтобы опираться на неё в пути <...> Проще говоря, врач должен, во-первых, поддерживать близкое, естественное, интуитивное знакомство с вещами, во-вторых, обладать структурированным знанием вещей и, в-третьих, правильно мыслить о вещах» [Henderson 1938: 6] (см. также: [Henderson 1941: 12–13]).

Наука глубоко укоренилась в навыках и расширяет свои границы только в процессе экспериментального и систематического развития приобретённых умений. Следовательно, все успешные отрасли науки имеют скромное происхождение — они осторожно развивали навыки и умения более низкого порядка до тех пор, пока не становилось ясно, была ли достигнута точка логического и экспериментального расширения. Не надо думать, что наука начинала с огромных и сложных систем, после чего переходила к изучению фактов. Характерное для неё прозаическое шаг за шагом продвижение вперёд от самых скромных начал имеет то достоинство, что позволяет закреплять достигнутые успехи; более поздние достижения не в силах опровергнуть результаты предшествующих аккуратных наблюдений.

Таким образом, научный метод состоит из двух частей, представленных в медицине клиникой и лабораторией. Они взаимозависимы, и одна без другой становится бесплодной. Если клиника — это пристальное внимание к сложной ситуации, поскольку любая её часть может внезапно приобрести важнейшее значение, то лаборатория — эксперимент и логические построения. В XIX веке первая часть называлась «наблюдение» с особым акцентом на его необходимость. В последние годы центр внимания всё в большей степени перемещается на логические или математические построения, которым предшествует тщательно аккуратно выполненный эксперимент. Лучшего и не пожелаешь, если бы исследователи так часто не забывали о необходимости отбора перед экспериментом. К научному прогрессу ведёт далеко не каждый лабораторный эксперимент, дополненный математическими по-

строениями. Одними из самых важных достижений последних лет являются создание радара и открытие пенициллина. И то и другое началось с наблюдений внимательных работников над явлениями, не относившимися к их непосредственным обязанностям. Один из них был морским радистом, другой — биологом-лаборантом. В обоих случаях наблюдение пробудило любопытство и воображение учёного — на благо человечества и цивилизации. Разумно, если в процессе обучения студенты будут уделять повышенное внимание рациональной организации постановки эксперимента и логико-математических построений. Те, кто забывает о происхождении науки из непосредственного наблюдения, рискуют столкнуться с отрицательными последствиями невнимания, выражающимися в тщетности экспериментов. Наблюдение, навык, эксперимент и логика — вот три стадии на пути к научным достижениям. Первые две стадии тянутся долго и требуют приложения больших усилий без надежды на признание, но без них невозможно перейти к третьей стадии. «Склонность учёного мира к вторичности — вот секрет его посредственности <...> Основная заслуга Фрэнсиса Бэкона не в создании особенной теории индуктивных рассуждений <...> но в том, что он возглавил бунт против информации, поступающей из вторых рук» [Whitehead 1929: 79].

Различные отрасли науки на протяжении столетий медленно возводили прекрасный храм знаний — знаний, связанных с соответствующими навыками. Проблемы, которые изучает наука, методы, которые она использует, в какой-то степени понятны и тем, кто занят административной деятельностью. Например, от химика никто не требует в кратчайшие сроки разработать план реорганизации правительства, промышленности или общества. Самое большее, он может получить задание изучить конкретные возможности, такие как улучшение процессов дубления кожи или производства синтетического каучука. Никто не спрашивает химика, какие изменения в промышленной организации повлекут за собой его открытия; да и сапожник держится до последнего за свой рабочий стол. Сам учёный, как человек, которому свойственно ошибаться, может мечтать о радикальной социальной реорганизации, но он понимает, что эти его желания не имеют никакого отношения к его научной квалификации и существуют сами по себе. Много лет назад премьер-министр австралийского штата Квинсленд, представлявший Лейбористскую партию, заметил в разговоре, что рост классово сознательности рабочих, по-видимому, пагубно отражается на их производственных навыках и интересе к повышению квалификации.

IV

Перейдём от успешных наук, таких как химия, физика, физиология, к наукам менее благополучным — социологии, психологии, политологии. Поразительны те провалы, которыми заканчиваются попытки этих «наук-неудачниц» передать студентам навыки, полезные в человеческой среде. Нынешний студенческий корпус представляет собой резерв, из которого будут черпаться кадры администраторов завтра, и эти провалы являются серьёзным недостатком. Химия и физика имеют полное представление о материалах, которые изучают студенты, поскольку они ежедневно квалифицированно работают с этими материалами. Нельзя сказать, что экономика и психология никак не зависят от навыков, однако умения, которые прививаются студентам, по-видимому, продиктованы желанием произвести впечатление имитацией естественных наук, но не решимостью начать работу с досконального трудоёмкого знакомства с предметом изучения в целом. Однажды в одной из газет был процитирован известный психолог, заметивший, что он знает о людях меньше, чем любой метрдотель. Если бы это было правдой (психолог, вероятно, преувеличил), мы имели бы дело с позорным признанием в некомпетентности. Тем не менее комментарий коллеги в высшей степени справедлив, поскольку в области социальных навыков существует пропасть между теми, кто постоянно пользуется своими умениями, — практикующими администраторами и теми, кто только рассказывает о них [Roethlisberger 1942: 138]. Тот факт, что в США был успешно разработан комплекс проверочных испытаний на технические навыки, не может служить оправданием для психологии. В своих узких пределах эти тесты полезны и действительно прекрасны. Но произведённый ими общий эффект заключается в том, что мы сосредоточились на технических

проблемах и полностью упустили из виду важность проблем человеческой кооперации — социальных навыков. Наша слепота в этом отношении стала одной из причин огромного бедствия.

Так называемые социальные науки поощряют студентов к бесконечным разговорам о будто бы существующих социальных проблемах. Не похоже, чтобы они вооружали учащихся хотя бы одним социальным навыком, пригодным для использования в обычных ситуациях человеческой жизни. Социология находится на высоком уровне развития, но в основном как упражнение в приобретении учёности. Студента обучают писать книги о книгах других учёных. Ему немного расскажут о психологии нормального приспособления, но студент останется профаном в вопросах социологии жизни и социологии интимных отношений. В последние годы социальным личностным исследованиям уделяется всё больше внимания. В то же время учебные программы не предусматривают постоянных непосредственных контактов студента с социальными фактами. Он учится по книгам, проводя бесконечные часы в библиотеке, пересматривает древние формулы, но не контролирует полученные результаты и не развивает навыки проведения экспериментов. Социологии ещё предстоит найти эквивалент клинике или хотя бы лаборатории.

Успешные науки не могут похвастаться «благородным» происхождением; все они вышли из «низов», поскольку опирались на развитие простых навыков и умений. За несколько столетий упорного неустанного труда физика и химия построили впечатляющие храмы знаний. При этом они твёрдо держались избранного пути, какие бы заманчивые перспективы ни возникали. Социальные науки находятся под впечатлением от этих достижений, в чём нет сомнения. Но успехи других поощрили социальные науки к строительству в социальной сфере множества «домов» с внушительными фасадами. Возможно, за ними находятся люди, не жалеющие усилий для постепенного, шаг за шагом, развития простых неоспоримых навыков. Разумно предположить, что претенциозные фасады — это всего лишь камуфляж, и где-то за ними люди занимаются настоящей работой.

В результате выпускники, отмеченные за блестящие достижения в учёбе, возглавляющие процессии бывших однокурсников, покидающих университеты, не имеют должной подготовки, необходимой для наведения порядка в социальном хаосе. Высокий уровень их интеллектуальных достижений сочетается с низкой осведомлённостью о реальной жизни. Они обитают отдельно от остального человечества, в «городах разума» — отстранённые от мирской суеты, интеллектуальные и отдающие себя высококоразвитому мышлению. Они обладают развитой способностью к мышлению в рамках сложной логики, но лишены навыков обращения со сложными фактами. И этих исследователей общества поощряют к развитию проработанной до мелочей социальной философии и призывают забыть о своей потребности в простых социальных навыках. Для них дискурсивные, перескакивающие с одного предмета на другой и неконтролируемые рассуждения предпочтительнее наблюдения. В то же время терпеливое внимательное наблюдение — это то, в чём больше всего нуждается мир, когда наблюдатель всегда держит наготове свои логические инструменты.

Социальные навыки, которые студенты развивают в университетах, занимаясь спортом, в клубах или других видах деятельности, слабо связаны с их учебными штудиями. Куда более часто учёба противопоставляется всем остальным занятиям; считается, что успехи в первой достигаются за счёт вторых. Вследствие этого развитие социальных навыков студента может быть ограничено до общения с сокурсниками на мероприятиях, не одобряемых руководством многих университетов. Эти социальные организации способны помешать бесхитроственному участию студента вместе с товарищами в достижении общих образовательных целей учебных заведений. Появление в студенческом корпусе юношей и девушек, ограниченно участвующих в достижении общих целей университета, развивает социальные навыки более низкого порядка, чем те, которые приобретает подмастерье, осваивающий ремесло. Во многих случаях это приводит к замкнутости социальной группы и дискриминации. Едва ли члены

такой группы будут часто применять имеющийся у них искусственный и узкий опыт в дальнейшей жизни, ведь в зрелом возрасте люди нуждаются в высокоразвитых и постоянно совершенствуемых социальных навыках. В этом отношении учёба и общение в небольшом колледже могут оказаться для студентов более полезными, чем пребывание в университете. Но мне ничего не известно о научных изысканиях, направленных на разработку программ и методов обучения социальным навыкам, адекватным быстро изменяющимся потребностям индустриальной цивилизации.

Ничуть не сомневаюсь, что социальные науки (экономика, психология, социология) когда-нибудь принесут большую пользу, но в настоящее время различные специальные исследования никак не связаны друг с другом и не имеют общего плана или основных положений. Как мне кажется, причиной тому стремление войти в мир, подобно Афине Палладе, во всеоружии, избегая обязательных периодов младенчества и роста. Следствием этой попытки стало пренебрежение постепенным развитием простых социальных навыков.

Меня могут попросить привести пример простого социального навыка, который можно было бы практиковать, и по мере его совершенствования открывать для себя нечто новое, а также получить эквивалент способности к манипулированию. Полагаю, что социальные изыскания должны начинаться с внимательного наблюдения за тем, что можно назвать коммуникацией, то есть способностью индивида сообщать о своих чувствах и идеях другому человеку и способностью групп к эффективному и тесному общению друг с другом. В наши дни эта проблема, вне всяких разумных сомнений, представляет собой важнейший порок развития цивилизации³. Согласно наблюдениям Пьера Жане (в дальнейшем я расскажу о них подробнее), индивиды, которых обычно описывают как психоневротиков (но не имеющих органических патологий), не способны легко и близко общаться с другими людьми. Отвлекаясь от этой сугубо индивидуальной проблемы, наши международные трудности, несомненно, связаны с отсутствием эффективного общения между различными группами стран даже в Женеве. Дискуссии в Лиге наций велись в самых общих чертах, что в некоторых случаях, казалось бы, приводило к интеллектуальному пониманию и согласию. Но это понимание отнюдь не основывалось на близком знакомстве одной из сторон с реальным положением другой. Никто не отрицает, что предпринимались попытки достичь такого понимания. Однако во многих случаях усилия сторон были направлены на «поиск формулы», логического утверждения, позволяющего скрыть тот факт, что ни одна из сторон не имела представления о реальном положении контрагентов. По мере развития нашей индустриальной цивилизации внутри различных стран возникало всё больше факторов, затруднявших прямое общение между отдельными специализированными группами. Наглядным примером этого являются острые противоречия между менеджментом компаний и рабочими.

V

Неравномерное развитие технических и социальных навыков имело катастрофические последствия для общества. Если бы наши социальные навыки развивались постепенно и шли в ногу с нашими техническими навыками, не было бы и ещё одной европейской войны; это моя постоянная тема. Вернёмся к анализу воздействия социального образования рассмотренного выше типа на студентов, на группу учащихся, часть которой в будущем получит назначения на административные должности. В самом деле, появление в университетах одарённых, но несчастных и неэффективных студентов привлекло внимание к более общей проблеме. Возникает впечатление, что некоторые предметы фатально притягивают к себе людей такого склада. Это философия, литература, социология, право, экономика и — сохрани Боже — государственное управление. Студенты могут плохо владеть техническими навыками, но это наблюдение — не самая надёжная основа для диагноза; одновременно учащиеся почти всегда

³ Подробное обсуждение важности «слушания» как основы для коммуникации см. в главе 4 этой книги.

лишены социальных навыков, что весьма показательно. Они рассказывают очень похожие истории о своём прошлом, однообразно перечисляя обстоятельства, препятствовавшие получению ими активного опыта участия в разных социальных группах и различных социальных ситуациях. Короче говоря, эти студенты полностью лишены знания о социальной жизни или имеют о ней минимальные знания, но, как мы знаем, только этот опыт даёт навык общения. Во всех урбанизированных промышленно развитых странах количество таких людей непрерывно увеличивается, и данное явление отнюдь не исключительно американское. Пьер Жане, например, описывает француза, ограниченного в социальных навыках. Отметив, что данная характеристика свойственна, по большей части, людям, наделённым природными способностями и получившим некоторое образование, Жане продолжает: «Обычно они могут вести себя как другие люди, болтать или жаловаться на свои недостатки близким друзьям; но в тех случаях, когда возникает необходимость в непосредственном действии, что, как следствие, предполагает манипулирование реальностью, они отказываются делать что-либо и проявляют склонность ко все большему и большему отстранению от своих профессиональных занятий, борьбы с другими людьми, внешней жизни и социальных отношений. Действительно, их жизни ограничены очень узкой сферой интересов и совершенно бессмысленны, это относится и к вещам, и к людям <...> Сохраняющиеся у них второстепенные интересы всегда отдаются вопросам, далее всего отстоящим от материальной действительности; некоторые из этих людей — психологи; прежде всех сущностей объектом их поклонения является философия; они становятся ужасными метафизиками. При виде этих несчастных с грустью задаёшься вопросом, не является ли философское умозрение не более чем болезнью человеческого разума» [Janet 1915: 357].

Жане также выделяет две основные группы трудностей, которые испытывают индивиды с ограниченными социальными навыками. Во-первых, это решения и поступки; во-вторых, связи и общение с другими людьми. Согласно представлениям этих людей, единственным «лекарством» в данном случае являются метафизические дискуссии, «продолжающиеся всю ночь и ни к чему не приводящие». Поскольку с точки зрения достижения практических целей такие люди лишены как манипулятивных, так и социальных навыков, они не могут воспользоваться методом определения относительной ценности альтернативных логических возможностей. Если аргумент, каким бы рациональным он ни был, не связан с точкой развивающегося контакта с внешним миром, он воспринимается, каким бы логичным ни был довод, как смешение неопределённых возможностей. Некоторые из этих людей — одарённые, несчастные, мятежные — считаются учёными. Если бы на одном из этапов обучения они настояли на получении простых навыков, в первую очередь социальных, то осознали бы всю шаткость основ сложной логической структуры своего мышления. Но университетские учёные плохо подготовлены к тому, чтобы обнаруживать среди увлечённых наукой студентов тех, чей энтузиазм является симптомом разбалансированного развития. Действительно, стипендиальные отделы университетов, переоценивая их возможность делать выводы и недооценивая реальные навыки студентов, всячески способствуют преувеличению индивидуальной неполноценности и почти ничего не делают для её исправления.

Впрочем, Жане описывает крайние случаи. Вероятно, в наши дни они наблюдаются чаще, чем в прежние времена, но, к счастью, встречаются сравнительно редко. Имеются в виду индивид, по чистой случайности лишённый навыков обоих типов. Ему не удалось приобрести и развить нормальный набор манипулятивных или технических навыков, вследствие чего его решения и поступки неудачны, так как недостаточное практическое знакомство с вещами затрудняет выбор между чисто логическими альтернативами действий. Такому человеку далеко до совершенства и в обычных простых социальных навыках. Вследствие этого человеческие связи, добавляющие к повседневной рутине большинства из нас немного счастья, превращаются для него в кризисы, преодоление которых требует энергии и приложения усилий. Данный личностный недостаток индивида обуславливает его нежелание иметь дело с самыми обычными человеческими случаями; если же ему не удастся избежать столкновения с повседневностью, он проявляет чрезмерную активность, после чего испытывает невероятное утомление.

Значительно чаще в университетах и других местах встречаются люди с достаточно развитыми манипулятивными навыками, но практически лишённые социальных умений. Тридцать лет назад в Австралии я входил в объединённый комитет университета, которому было поручено организовать обучение членов местной Образовательной ассоциации рабочих. В этом качестве мне пришлось часто выступать на собраниях, проводимых различными профсоюзами, чтобы просить их поддержать движение за расширение возможностей образования для взрослых. Как правило, нам удавалось заручиться поддержкой профсоюзов, хотя и не без яростных дискуссий, когда люди, занимавшие крайние позиции, обвиняли университет в симпатии к буржуазии и других социальных грехах. Обычно более умеренные и ответственные члены профсоюзов сидели в первых рядах, а сзади группировались непримиримые сторонники крайних левых воззрений. На одном из таких собраний мне стало ясно, что ядро самой ожесточённой оппозиции составляют шесть человек, с которыми я был давно и хорошо знаком. За эти годы крайняя партия много раз меняла название — «социалистическая», «индустриальные рабочие мира», «большевистская», «коммунистическая», — но независимо от названия или доктрины оппозицию на профсоюзных собраниях возглавляли одни и те же шесть человек (ещё они любили выступать с импровизированных трибун в публичных парках). Наше знакомство не имело никакого значения для декларируемого ими отношения ко мне или университету, но при частных встречах они разговаривали со мной совершенно свободно. Выводы из моих наблюдений можно резюмировать следующим образом:

1. Эти люди поддерживали дружеские отношения только с другими пропагандистами. По-видимому, они не способны были к лёгким отношениям с другими людьми; более того, необходимость установления таких отношений воспринималась как крайняя необходимость, что требовало от моих знакомых самых энергичных усилий;
2. У профсоюзных активистов отсутствовала способность к ведению разговора. В беседах со мной они чередовали рассказы о себе с риторикой, воспроизводившей насущную для них тему — революция и разрушение общества;
3. Как и в случае с социальными отношениями, всякое действие было для них чрезвычайным усилием. Их образ мышления не вмещал никаких идей о рутинном участии в совместных действиях или об «обычности» жизни. Буквально всё, независимо от значимости тех или иных вещей, воспринималось как кризис, который ликвидировался с огромным иррациональным напором;
4. Они воспринимали мир как враждебное место. Все их убеждения и действия подразумевали, что общество существует не для того, чтобы предоставлять возможности, но для того, чтобы ограничивать их. Кроме того, по их мнению, враждебность должна быть активной, а не инертной; даже своих ближайших соратников они воспринимали как потенциальную часть вражеских войск, готовых к бою.

В каждом случае личная история этих людей была историей социальной обездоленности — детство, лишённое нормального счастливого общения со сверстниками в труде и играх. По-видимому, эта обездоленность привела к отсутствию способности к поддержанию обычных человеческих отношений, последующему убеждению во враждебности мира и реакции, выразившейся в нападении на предполагаемого врага. Один из этих шести партийцев попал к моему коллеге-медику, с которым мы работали над проблемами адаптации. Это позволило установить клиническое отношение доверия к врачу. Пациент обнаружил, что медицинский консультант остался совершенно равнодушен к политическим теориям, но проявил огромный интерес к сокровенным подробностям его личной истории. После выздоровления мужчина, к своему удивлению, понял, что избавился и от прежних политических взгля-

дов. Когда он был механиком (хорошим), ему приходилось часто менять работу. Пройдя курс лечения, мой знакомый устроился конторским служащим и отказался от установки на революцию.

Вероятно, эти случаи всё ещё относятся к крайним, но постепенно мы приближаемся к общей проблеме. Наблюдения, которые я кратко изложил, были сделаны до и во время Первой мировой войны. Тогда никто из нас не предполагал, что такой человек, как немецкий фюрер, возглавит общую разрушительную войну с обществом и цивилизацией. Однако если перелистать страницы первой главы книги Стивена Робертса «Дом, который построил Гитлер» [Roberts 1938], мы увидим довольно близкое сходство установок и истории её героя и моих партийцев. Я не делаю из этого далеко идущих выводов, за исключением того, что предлагаю в таких случаях остерегаться и оказывать необходимую помощь людям, поскольку пренебрежение их проблемами может иметь тяжёлые последствия.

Если мы, оказавшись в определённой личной или групповой ситуации, хотим безошибочно распознать симптомы слабой социальной адаптации, знакомство с некоторым количеством крайних случаев будет не просто полезно, но необходимо. Как пишет Жане, все без исключения его пациенты относились к окружающему миру, в особенности к социальному миру, как к враждебному месту: «*Сe monde hostile*» («Этот враждебный мир») [Janet 1919: 636]. Однако следует указать на различие в типах реакции. Примерно две трети всех пациентов занимают позицию «Этот мир опасен, и я должен быть настороже», а оставшаяся треть настроена на бунт, приняв установку «Мир враждебен, позвольте мне напасть на него». Конечно, во всех случаях имеют место обе установки, но преобладающей будет одна из них.

По наблюдениям доктора Джеймса Планта, под руководством которого в Нью-Джерси было проведено обширное исследование социально не приспособленных детей, отношение этих несчастных подростков к своему окружению варьируется от паники до бунта [Plant 1937]. Данное заключение во многом совпадает с выводами Жане, ведь социальная депривация того или иного рода является существенной частью истории личности. С этим утверждением согласятся все, кто пытается помочь студентам, испытывающим трудности с обучением, или те, кто занят тщательным изучением производственных ситуаций. Очень часто студент, не способный, как он заявляет, сосредоточиться на учебном материале (может показаться, что его слова подтверждаются официальными записями), в частной беседе сообщает, что он боится отвечать на занятиях в аудитории. Этот студент убеждён, что преподаватель и другие учащиеся настроены к нему враждебно, только и ждут случая, чтобы повеселиться, когда он допустит ошибку. Вследствие этого злосчастного предубеждения горькие ожидания во многих случаях оправдываются, что воспринимается индивидом как подтверждение его правоты. Примерно в 50% рассматривавшихся нами случаев студент легко справлялся с поставленной перед ним технической задачей. Если он избавится от своего предубеждения, то получит хорошую оценку. Источником его ограниченности является неумение общаться, а кажущаяся неспособность молодого человека удерживать внимание обусловлена влиянием предубеждённости, вызванной социальной неадекватностью (вечная заикленность на социальных ситуациях) и страхом действия. Личные истории таких студентов позволяют подразделить их, по меньшей мере, на две группы. Первую группу образуют те, кто по семейным обстоятельствам был лишён достаточного количества личных дружеских отношений вне семьи, необходимых для развития жизненных навыков. Во вторую группу входят студенты, обладающие социальными навыками, которые они развили в небольшой общине и, возможно, в местном колледже и благодаря успехам в учёбе были направлены для написания дипломной работы в более крупный или столичный университет. Яркий блеск исторического названия университета способен вызвать панику у студента из провинции, а последующее открытие, которое заключается в том, что развитые в прошлом социальные навыки малопригодны в новой ситуации, отбрасывает его к эгоцентричной предубеждённости. В этих последних случаях студенту довольно легко помочь; действительно, иногда достаточно одного интервью с ним. Студенту удалось заложить фундамент социальных знаний знакомства и навыков, на

которые он может смело опереться; поощрение к использованию имеющихся у него навыков способно привести к внезапному восстановлению уверенности в себе. Известно много таких случаев. В каком-то смысле ограничение возможностей связано не столько с самим студентом, сколько с ситуацией, в которой он оказался; внезапное и значительное изменение окружения может вызвать очень сильную тревогу, особенно в тех случаях, когда человек молод и недостаточно опытен или когда он несколько старше, но чрезмерно заиклен на установившейся практике.

В наши дни различные варианты такой ситуации получили самое широкое распространение в промышленности. К сожалению, в неблагоприятных обстоятельствах чаще всего оказываются индивиды и группы людей, возраст которых уже не позволяет им проявлять замечательную стойкость юности в процессе восстановления. Несколько лет назад в одном из городов на Среднем Западе США непосредственного руководителя работ на одном из предприятий, обладавшего высокой технической квалификацией (навыками), повысили в должности до генерального руководителя работ. На него возложили ответственность за производство на десятке заводов, расположенных на Востоке США. В прошлом этот руководитель жил только на Среднем Западе, но взялся за работу на Восточном побережье с той же энергией и компетентностью, что и всегда. Какое-то время всё шло хорошо, но в начале 1930-х гг. страна столкнулась с промышленной депрессией, и компания была вынуждена либо закрыть часть заводов, либо ограничить их операции. Мало-помалу сфера деятельности генерального руководителя работ сужалась, пока наконец его не назначили начальником единственного цеха на одной из фабрик, то есть он получил должность, идентичную той, занимая которую, он проявлял высокую компетентность. Однако на прежнем высоком посту этот человек, по-видимому, растерял свои знания и утратил навыки. Теперь он просто запугивал подчинённых, которые всем сердцем его ненавидели, и не скрывал критического отношения к Востоку по сравнению со Средним Западом. Он приписывал понижение в должности не обстоятельствам или общей депрессии, а заговору в компании или собственной глупости, когда согласился на переезд на Восток. Другими словами, его рефлексивное мышление, изначально основанное на фактах и приводившее к успеху, полностью сошло с рельсов. Человек слишком много думал о ситуации, в которой он оказался, и приписывал свои невзгоды враждебному миру, точно так же, как это мог бы делать пациент Жане. Если подобные ситуации возникают в промышленности в наши дни, они поддаются исправлению, и, насколько мне известно, опытный интервьюер оказывает в таких случаях необходимую помощь. Такого интервьюера учат внимательно и без комментариев выслушивать всё⁴, что говорит его собеседник, попавший в сложную ситуацию. Специалист должен сосредоточить всё своё внимание на том, чтобы правильно понять сказанное, встав на точку зрения респондента. Это довольно простой навык, но его использование в ситуациях, возникающих на производстве, приносит поразительные результаты. Мы видели, как многие люди, склонные к синдрому навязчивых состояний, после нескольких (или большого их количества в зависимости от потребности) таких интервью возвращались к работе, объясняя, что они «выговорились». В некоторых случаях их способность к здоровой оценке ситуации, по-видимому, полностью восстанавливалась.

Ещё один тип производственной ситуации, характерный для нашего времени, — настоятельная потребность во внимательном наблюдении. Научный прогресс и изменения в организации бизнеса постоянно находят отражение в изменениях производства, способных, в свою очередь, упразднить ремесла или занятия, позволявшие людям добывать средства к существованию на протяжении нескольких поколений. На западе Пенсильвании на заводах по производству жести прокатчиками горячего металла работали в основном приезжие (многие из них были выходцами из Уэльса). За долгие годы они обжились в этом штате, добились материального благополучия, приобрели дома, пользовались влиянием и уважением в местных общинах. Десять лет назад ко времени окончания депрессии метод производства белой жести совершенно изменился, и эти люди (значительная их часть находились в позднем среднем

⁴ См. главу 4 этой книги.

возрасте) лишились занятия и средств, которые позволили бы им и их семьям поддерживать привычный образ жизни. Для бывших прокатчиков это стало личным бедствием первой величины, но как бывшие столпы общества они не поддались революционным настроениям. Они оставались безработными и погружались в глубокую личную депрессию, их сбережения быстро таяли. Их установки по отношению к самим себе и обществу можно описать как полную утрату уверенности и доверия. В какой-то степени это перекликается с тем аспектом европейской ситуации, который заставил немецкий народ приветствовать Гитлера как избавителя.

Ознакомившись с этими фактами, не думайте, что я выступаю за ограничение каких бы то ни было направлений научного прогресса, технических усовершенствований или вообще изменений в производственных методах. Напротив, я всегда на стороне технического прогресса и быстрого общего повышения уровня жизни. Но если мы стремимся к тому, чтобы наши технические навыки способствовали внезапным и радикальным изменениям в методах труда, то обязаны развивать социальные навыки, которые уравновешивали бы эти перемены социальными изменениями в образе жизни, соответствующими новой ситуации. Невозможно жить и процветать, стоя одной ногой в XX веке, а другой — в XVIII столетии. За последние сто лет цивилизованное общество полностью отказалось от прежних постулатов и приняло новые. В XVII столетии, да и в XIX веке, человеческое общество готовило своих подростков к хозяйственному и социальному служению той или иной формой ученичества. В наши дни медленное приобретение технических навыков и умений и способности к сотрудничеству в процессе вживания в предписанный набор традиционных процедур превратилось в анахронизм. Как и прежде, знание по знакомству и производные от него технические и социальные навыки имеют важнейшее значение. В сложившемся обществе основное внимание уделялось традиционным навыкам и умениям; в наши дни — адаптивным навыкам. Те из нас, кто начал жизнь в Викторианскую эпоху, помнят, какое значение тогда придавалось традиционному, сложившемуся обществу; для настоящего и будущего, если нам вообще удастся выжить, идеальным будет адаптивное общество.

Металлурги из Пенсильвании попали между верхними и нижними «валками» своих прокатных станов. Они усвоили знания и навыки, необходимые в сложившемся обществе, но жить им приходится в обществе, где важнейшее значение придаётся способности к адаптации. Данное обстоятельство отнюдь не означает, что прокатчики оказались в безнадёжном положении. В самом деле, неотложные военные потребности обусловили необходимость изучения средств, с помощью которых страна могла бы быстро увеличить количество рабочих в отраслях, испытывавших явный недостаток предложения. Независимо от того, идёт ли речь о США или о других государствах, мы видим, что организационные верхи сразу же уделили надлежащее интеллектуальное внимание профессиональному обучению в промышленности, а рабочие с верой и умением откликнулись на насущные потребности. Это касается не только мужчин. Во время войны и в Англии, и в США девушки, прежде работавшие в салонах красоты, ресторанах или в домашнем услужении, успешно справлялись с новыми для них обязанностями, для выполнения которых мужчинам, как предполагалось, требовалось долгое ученичество. Отметим, что условием достижения этого результата было то, что я назвал интеллектуальным вниманием организационных верхов. Следует отметить, что в тех случаях, когда общество нуждалось в том, чтобы работники приобретали новые технические навыки, они никогда не подводили. Появление пишущей машинки, автомобилей, самолётов показало, что население способно за короткое время овладеть соответствующими умениями. В нашем изменяющемся обществе не является неразрешимой и проблема адаптации рабочих, в прошлом занятых на заводах по выпуску жести; с учётом перемен, вызванных войной, это может быть не так сложно, как казалось на первый взгляд. Для того чтобы решить данную проблему и погасить недовольство, необходимо чётко определить социальные последствия крупных изменений в структуре общества и возложить ответственность за них на тех, кто обладает достаточными навыками и пониманием.

VI

Теперь всем очевидно, что в недалёком прошлом наши высшие администраторы взяли на себя ответственность за обучение рабочих новым техническим навыкам; столь же очевидно, что никто не отвечает за обучение их новым (адаптивным) социальным навыкам. Если говорить об университетах, то принятие ответственности, особенно социальной, воспринимается некоторыми самыми робкими учёными как ужасная перспектива. Я сильно сомневаюсь, что какая-либо группа, сложившая с себя ответственность, когда-нибудь достигнет уровня квалификации, достойного названия своей профессии. Врач берёт на себя ответственность за пациента, химик — за успех или неудачу методов, которые он разрабатывает. В длинном списке научных начинаний, даже если доля неудач превышает долю успешных решений, мы обнаруживаем, что развитие полезных навыков неизменно сопровождается принятием той или иной ответственности. Однако это положение не распространяется на то, что иногда называют умением употреблять слова, приводить доводы, развивать неконтролируемую логику; на протяжении тысячелетий штудии этого типа прошли точно такой же цикл диспутов и цитирования авторитетов, но с точки зрения жизненных реалий в данном случае развитие было незначительным (если вообще происходило). В современных политических трактатах по-прежнему цитируются Аристотель, Платон, Макиавелли, Гоббс и другие авторы. Но кто из химиков сочтёт необходимым дословно приводить слова Фалеса Милетского и алхимиков? Утверждения учёного основаны на его собственной квалификации и способности к экспериментальной демонстрации. Социология и политология, по-видимому, не обладают аналогичной способностью к прямой демонстрации полезного навыка в нужное время и в нужном месте. И я не думаю, что они её обретут, только взяв на себя ответственность за то, что происходит в конкретных человеческих ситуациях — индивидуальных или групповых. Хороший игрок в бридж не просто участвует по окончании партии в разборе хода игры; он берет на себя ответственность за игру. Первое будет полезно новичку, но только в том случае, если он попробует второе. До тех пор пока социология не наденет хрустальные туфельки и не отправится на поиски приключений в кругу других наук, она будет оставаться Золушкой.

Впрочем, ни принц, ни политик не имеют права пренебрежительно относиться к бедной Золушке. За последнее столетие физика, химия и медицина добились огромных научных достижений, но сам по себе их масштаб вывел общество из равновесия. До тех пор пока социология и психология не разовьют свои скромные обычные навыки и не начнут углублять понимание, мы будем думать, что технический прогресс провоцирует хаос и анархию.

Если бы развитие социальных навыков (то есть наших способностей устанавливать кооперацию между людьми) шло в ногу с техническими умениями, мы не допустили бы ещё одной европейской войны.

Литература

Barnard C. I. 1938. *The Functions of the Executive*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Casson S. 1937. *Progress and Catastrophe*. New York: Harper & Brothers.

Dawson C. 1939. *Beyond Politics*. London: Sheed & Ward.

Disraeli B. 1912. *Earl of Beaconsfield, Tancred, Quoted from John Neville Figgis, Civilization at the Cross Roads*. London: Longmans, Green & Co.

Donham W. B. 1944. *Education for Responsible Living*. Cambridge, MA: Harvard University Press; Chap. V.

- Durkheim E. 1930. *Le Suicide*. Paris, Librairie Felix Alcan.
- Henderson L. J. 1938. *Sociology 23. Introductory Lectures. Three Lectures Given in Course Sociology 23 at Harvard College*. Privately distributed, 2nd edn, revised in October 1938.
- Henderson L. J. 1941. *Fatigue of Workers. Report of National Research Council*. New York: Reinhold Publishing Corporation.
- James W. 1890. *The Principles of Psychology*, vol. 1. London, Macmillan and Co., Limited.
- Janet P. 1915. *Les Névroses*. Paris: Ernest Flammarion.
- Janet P. 1919. *Les Obsessions*. Paris, Librairie Felix Alcan.
- Malinowski B. 1932. *Argonauts of the Western Pacific*. London: George Routledge & Sons, Ltd.
- Plant J. S. 1937. *Personality and the Cultural Pattern*. New York: The Commonwealth Fund.
- Radcliffe-Brown A. R. 1933. *The Andaman Islanders*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Roberts S. H. 1938. *The House That Hitler Built*. New York: Harper & Brothers.
- Roethlisberger F. J. 1942. *Management and Morale*. Cambridge, MA: Harvard University Press; Chap. IV.
- Warner W. L. 1937. *A Black Civilization*. New York; London: Harper & Brothers.
- Whitehead A. N. 1929. *Aims of Education & Other Essays*. London: Williams and Norgate.

NEW TRANSLATIONS

Elton Mayo

The Social Problems of an Industrial Civilisation (excerpt)

MAYO, Elton (1880–1949) was an American psychologist and political scientist, as well as a researcher of industrial issues.

Abstract

His forthcoming work, “Social Problems of Industrial Civilization,” published by the Gaidar Institute, includes a section dedicated to political challenges. During his tenure as a professor of industrial studies at Harvard University while working on “Social Problems of Industrial Civilization,” Mayo’s contributions to industrial sociology significantly influenced the development of this field. The

book interprets critical issues of the industrial era through Mayo’s perspectives on the role of social sciences in addressing these challenges. A central theme is the facilitation of group cooperation within key industrial sectors. The author synthesizes insights gained from industrial research and proposes preliminary conclusions regarding the crucial role of interpersonal relationships in industry.

The *Journal of Economic Sociology* features the first chapter titled “The Dark Side of Progress,” wherein Professor Mayo critically examines the imbalance present in systemic research. This imbalance is characterized by an overemphasis on technical and material aspects, neglecting the human and social dimensions in favor of unsystematic evaluations.

Keywords: industrial sociology; technological progress; social and interpersonal relationships; social disorganization; technical and social skills.

References

Barnard C. I. (1938) *The Functions of the Executive*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Casson S. (1937) *Progress and Catastrophe*, New York: Harper & Brothers.

Dawson C. (1939) *Beyond Politics*, London: Sheed & Ward.

Disraeli B. (1912) *Earl of Beaconsfield, Tancred, Quoted from John Neville Figgis, Civilization at the Cross Roads*, London: Longmans, Green & Co.

Donham W. B. (1944) *Education for Responsible Living*, Cambridge, MA: Harvard University Press, Chap. V.

Durkheim E. (1930) *Le Suicide*, Paris: Librairie Felix Alcan.

Henderson L. J. (1938) *Sociology 23. Introductory Lectures. Three Lectures Given in Course Sociology 23 at Harvard College*, privately distributed, 2nd edn, revised in October 1938.

Henderson L. J. (1941) *Fatigue of Workers. Report of National Research Council*, New York: Reinhold Publishing Corporation.

James W. (1890) *The Principles of Psychology*, vol. 1, London, Macmillan and Co., Limited.

Janet P. (1915) *Les Névroses*, Paris: Ernest Flammarion.

Janet P. (1919) *Les Obsessions*, Paris, Librairie Felix Alcan.

Malinowski B. (1932) *Argonauts of the Western Pacific*, London, George Routledge & Sons, Ltd.

Plant J. S. (1937) *Personality and the Cultural Pattern*, New York: The Commonwealth Fund.

Radcliffe-Brown A. R. (1933) *The Andaman Islanders*, Cambridge University Press.

Roberts S. H. (1938) *The House That Hitler Built*, New York: Harper & Brothers.

Roethlisberger F. J. (1942) *Management and Morale*, Cambridge, MA: Harvard University Press, Chap. IV.

Warner W. L. (1937) *A Black Civilization*, New York and London, Harper & Brothers.

Whitehead A. N. (1929) *Aims of Education & Other Essays*, London: Williams and Norgate.

Received: January 9, 2024

Citation: Mayo E. (2024) Sotsial'nye problemy industrial'noy tsivilizatsii [Social Problems of an Industrial Civilization (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 11–32. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-11-32](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-11-32) (in Russian).